

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Дневники Ю.В. Готье

Юрий Владимирович Готье (1873–1943), историк, профессор Московского университета, директор библиотеки Румянцевского музея (Библиотеки им. Ленина, теперь РГБ), в 1918–1922 годах вел дневники. Опасаясь обысков, передал их за границу. Они нашлись много лет спустя в библиотеке Стэнфордского университета (Калифорния) и оказались очень ценным документом, благодаря тому, что были недоступны для исправлений задним числом. Весной 1919 года Готье с женой и сыном приехал в Сергиев Посад. Его краткие записи живо рисуют обстановку того времени в городе, события, настроение людей. Становятся ясны причины, по которым многие стремились уехать из Москвы в Посад. Обращает на себя внимание его восхищение еще нетронутой природой окрестностей города. Интересны пусть мелкие штрихи, касающиеся отдельных лиц, с которыми он встречался: Ю.А.Олсуфьева, С.П.Мансурова, о. Алексия Серафимовича и др. Именно Готье выпала миссия превратить Лаврскую библиотеку в филиал Румянцевской библиотеки. В дневниках он указывал даты по старому и новому стилю.

«Год 1919.

3/16 апреля. Сергиев Посад. Экспедиция сюда, проектированная едва ли не несколько месяцев назад, состоялась. Нина и Володя приехали в субботу, 30/12, и устроились в маленьком обывательском домике, за Лаврой, на Штатной улице, в сравнительно демократическом квартале Посада. Такое предприятие в прежнее время было бы невероятным и немыслимым. Мы проводили Пасху в Крыму; раньше я проводил ее в Петербурге, Киеве, деревне и т.п.; теперь, чтобы немного отойти от ужаса московской жизни, мы спрятались в убогой, хотя и чистой комнатке посадского бывшего полотера и

его жены, и невестки, бывших вышивальщиц, и сына, бывшего живописца, а теперь милиционера; так и здесь все меняется и все приходит в упадок.

Чтобы приехать сюда, мне пришлось на себе притащить ношу около 2-х пудов, быть может, даже больше; я пронес ее по Моховой до вокзала и здесь по Посаду, ночью, спускаясь и подымаясь по здешним горам и оврагам среди ручьев и луж...

Вчера ходил на рекогносцировки; изучение местности показало, что здесь голоднее, чем в Москве; однако можно достать много молочных продуктов, хотя и по жестоким ценам; хлеба нет; картофеля с трудом купил пуд... Мы приехали сюда сейчас же после вскрытия мощей преподобного Сергия, здесь ходят слухи, что хотят даже увезти мощи и закрыть Лавру; но по наружности здесь все спокойно; народ безмолвствует, хотя, конечно, недовольство, по всем данным, существует...

4/17 апреля. ... Были в Троицком соборе у обедни и прикладывались к обнаженному скелету преподобного Сергия; его оставляют в том виде, как он получился при вскрытии; как я сегодня узнал, это делается нарочно и, по моему, правильно; говорят, что и врачи, вскрывавшие признали скелет лежавшим 500 лет, а найденные желтые волосы – седыми, но пожелтевшими от времени...

После церкви долго сидели на лестнице Лаврской колокольни; но нет во мне ни религиозного, ни исторического чувства; переживаемое вытравило во мне и то, и другое; против Лавры горели ряды, полные реквизированного товара: говорят, загорелось в лавке, где была обувь, предназначенная для выдачи населению; вероятно, товарищи раскрали и подожгли; ... население равнодушно смотрело на пожар и не заботилось о его тушении – пришлось слышать много разговору на тему, что ранее, где пожар, то сейчас же тушили, потому что свое было, а теперь некому и не для кого. Завершили прогулку блинами, заплатив за 10 штук (отличных, правда, блинов) 30 рублей; это характерно для экономической оценки момента. 12 Евангелий

стояли в Академической церкви; публика здесь более изысканная, чем в Троицком соборе; отличное чтение, но убийственный холод...

5/18 апреля. Продолжаю отсыпаться – опять 12 часов подряд; вечером от 5 часов в Лавре; дивный день и такой же дивный вечер; с балкона трапезной чудесный вид в сторону Вифании с теплыми весенними тонами; бодрит и внушает какую-то смутную надежду, которую в себе тут же заглушаешь. Курьезная подробность, здесь слышанная: местные большевики не устраивают куличей и пасху, а справляют праздник пирогами с вареньем, чтоб отличаться от обыкновенных людей. Мне нравится здесь обиход Страстной, особенно вчера – вынос плащаницы из одной церкви в другую; несмотря на уничиженность Лавры и академии, все это хранит свою большую и древнюю красоту.

6/19 апреля. День по службам; литургия Великой Субботы в Троицком соборе с его подкупающей древностью: “Воскресни, Боже” Бортнянского напомнило мне старые времена, когда мы с мамой регулярно, из года в год, выстаивали службы у Храма Спасителя...

7/20 апреля. Заутреня в Лавре; во многих местах мне приходилось встречать Пасху, но обстановка Лавры имеет свою прелесть, несмотря на уничижение, в котором теперь пребывает и Лавра, и академия; мы простояли почти всю заутреню и, шлепая по грязи, вернулись домой и разговелись скромными куличом и пасхой, которые мне никогда не казались такими вкусными, как в этот раз... Сегодня после позднего и сытного завтрака (я подчеркиваю это свойство, потому что в нем выражается вся суть переживаемого момента), мы отправились в гости к Каптеревым и к Голубцовым и отлично провели время до 9 часов вечера. По Посаду ходили группами обыватели, чувствовалось праздничное настроение, что мало вязалось с нашими ощущениями...

С молодым поколением посадским, т.е. с И.А. Голубцовым, моим учеником, и с Каптеревыми время прошло очень скоро в оживленной и приятной беседе; я многое выяснил себе в теперешнем положении Лавры и

ее главной святыни, которой, по-видимому, грозят дальнейшие осложнения из-за деятельности группы евреев, вертящих русскими дураками на тех «электрокурсах», которыми захвачена академия. Очень курьезна беспечность высшего Лаврского начальства и московского патриаршего управления: в вопросе о мощах они уподоблялись страусам, прячущимся в собственные крылья. Кажется, более всего энергии и деятельности проявляла и проявляет та самая светская университетская молодежь Лавры, с представителями которой мы вчера проводили время.

13/26 апреля. Опять день в Троице; первая гроза, в промежутках между дождями прелестная весенняя погода; возникает вопрос об устройстве здесь на все лето...

14/27 апреля. ...Решили провизорно летний вопрос и сняли две комнаты у А.А.Тихомирова в доме Каптеревых; очень хороша обстановка дома и сад; ... рядом леса и поля по направлению к Вифании и Черниговке...

22 апреля/5 мая. Двое суток у Троицы; отличная прогулка по лесам и полям в воскресенье...

7/20 мая. ... Конец дня посвящен был занятию на огороде; благодаря любезности Каптеревых, мы имеем небольшой огород, и наши аппетиты разгораются: хотим сеять даже картошку; таковы мечты буржуев в 1919 году...

12/25 мая. Первый летний день. Лазили с Володей на Лаврскую колокольню и любовались дивным видом: хороший летний день все-таки ободряюще действует и заставляет как-то отходить мыслью от всего происходящего и менее думать о прелестях мировой революции...

24 мая/6 июня. ...Вечером приехал в Сергиево; весенний вечер, гроза, тепло, светло, уютно.

25 мая/7 июня. ...Отличная прогулка в Вифанию; тропический день с грозой; купание в Вифанских прудах...

26 мая/8 июня. Троицын день у Троицы; прогулка в Лавру к обедне; масса народа, обычное гулянье в храмовые праздники, но в больших размерах. В Троицкий собор не пробраться; там служил патриарх...

1/14 июня. Великолепная прогулка на велосипеде с С.Н. Каптеревым; нельзя себе даже представить, до чего очаровательны окрестности Посада; если бы здесь была не Россия, сюда бы ездили, ходили пешком...

9/22 июня. Прекрасная прогулка на велосипедах на монастырскую дачу Тарбеево, теперь, как водится, отобранную, и купание в озере...

18 июня/1 июля. ...Благодушествую в Сергиеве; сейчас только пришел с купанья, которое нашел в ½ часа ходьбы, в речке Торгоше; сегодня природа благоухает и сияет; и даже в этой гнусной северной природишке чувствуется своя красота...

23 июня/6 июля. Сергиево. После 3 душных и тревожных дней в Москве опять здешний мир и благодать. По приезде, после душного вагона и еще более душной московской духоты, я даже ходил вечером купаться; а совсем вечером мы вместе с Ниной немного прогулялись, погружаясь в настоящую ночную прохладу...

23 июля/5 августа. Еще один спокойный день; отличная погода, прогулка с Ниной... Сегодня осмотр Лавры: ходили по стенам и лазили на чердак и на хоры Успенского собора под предводительством П.Н. Каптерева. Надо пользоваться каждым случаем, чтобы осмотреть как можно больше; всякая такая экскурсия есть в сущности маленькое путешествие; не имея возможности уехать далеко, надо изучать то, что близко и что не будет времени смотреть позднее.

30 июля/12 августа. Два дня подряд прогулки в лесах за грибами; одна длилась 4 часа, другая 7. Еще раз пришлось убедиться, какие дивные окрестности вокруг Посада; какое раздолье, какое богатство леса, какой простор для деятельности человека, какие прочные остатки первобытных лесов, в которых когда-то укрылся Сергей. Ничто так живительно не действует, как природа; уйдешь в лес – и забудешь о большевиках...

13/26 августа. ...Прогулка за грибами для отвода от мрачных мыслей; ходили 7 1/2 часов. Я принес некоторое количество грибной пищи.

15/28 августа. ... Мы не выдержим новой зимы при условиях еще более ужасных, чем прошлая зима. Не клеится и устройство квартиры здесь, в Посаде, а между тем, необходимо сохранить здесь уголок; здесь все-таки легче будет обеспечить себе **тепло и сытость**.

2/15 сентября. Посещение Лаврской библиотеки, помещающейся над трапезной; там же находится и старый архив, в котором великое богатство неиспользованного материала по монастырскому хозяйству и землевладению XVI–XVII веков; весь архив в полном порядке, благодаря труду никому неизвестного монаха-библиотекаря отца Алексея. Вот бы где заняться, если бы только явилась возможность дать волю моим проектам об исследовании XVI века. Завтра опять в проклятую Москву! Не хочется!...

7/20 сентября. Сергиев Посад после четырех дней в Москве... Я вернулся сюда с вечерним поездом; что за ужас эта тьма на железных дорогах! Паровоз идет при одном освещенном фонаре, вместо 3; на каждой станции по одному фонарю на всю территорию станции; в вагонах абсолютная тьма, так что можно убить человека – и этого не заметишь...

1/14 октября. На днях обрисовалось здесь новое большое дело: Румянцевский Музей должен взять под свое покровительство библиотеку Духовной Академии. Это надо сделать во имя будущего...

5/18 октября. ... В Сергиев Посад мы приехали опять, чтобы менять разные вещи...

13/26 октября. ...Утром ездил смотреть Вифанскую библиотеку – хорошее собрание до 10000 томов, в основе которого лежат библиотеки Платона, Филарета и Макария. Видел разрушенную церковь Вифанской семинарии – большая и грязная зала и в ней солея, которая служит или может служить эстрадой.

14/27 октября. ...Приехал из Сергиева в обстановке, в какой я никогда еще не ездил. Поезд набит в 5 раз против нормы. Я только в половине пути

смог войти в вагон. Все пассажиры везли мешки с картошкой... Настроение добродушное, но чувствуется озлобление и утомление...

21 и 22 [ноября] я провел в Сергиевом Посаде и, несмотря на тамошние передраги, я, как всегда, чувствовал там какое-то душевное облегчение. Мои подопечные библиотеки я нашел в порядке. Уладилось и дело Лавры: ее восстановили, но только с 43 монахами в качестве сторожей. По словам председателя Комиссии охраны, гр. Ю.А.Олсуфьева, это – лучшие монахи. Если это так, то Лавра ничего не проиграла. Очень характерно, что за всеми распоряжениями идут к Олсуфьеву: я сам был свидетелем, как его спрашивали, что делать с церковным вином, когда отпирать Троицкий собор и т.п. Он произвел на меня впечатление истинного наместника Лавры. Между прочим, он рассказал мне, что во время переговоров с совдепом из уст председателя одного, чухонца из военных писарей, Ванланена (правильно – Ванханена – Т.С.) вылетела такая фраза: «Мы вашего дяденьку из гроба выковырнем».

4/17 декабря. Все эти дни я по-прежнему жил моим личным горем...(6/23 ноября скончалась жена Ю.В.Герье – Т.С.).

9/22 декабря. Ездил в Посад. Как всегда, эта поездка действует на меня успокоительно. Близость к природе, относительная тишина. Мучительным было только возвращение по железной дороге.

Год 1920.

13/26 апреля. Только что вернулся из поездки к Троице; там нехорошо. Комиссия, приехавшая «ликвидировать» Лавру, имеет во главе поп-расстригу Галкина, который при старом режиме был членом Союза русского народа и очень желал быть архиереем, но не получил архиерейства. Вместе с местными большевиками ведет определенную линию на разграбление Лавры, и будет чудом, если им этого не удастся. Все это невольно чувствуется, когда там находишься, и тяжелое чувство передается, и им заражаешься.

2 июня. ... Сегодня все утро в делах, главным образом в связи с вопросом о передаче Лаврской библиотеки в состав нашего Румянцевского

“филиала”. Лавра закрытая и поруганная, производит тяжелое и грустное впечатление, У соборов, которые были распечатаны только на Троицын день, стоят хулиганы с ружьями и стерегут печати. В часы служб на Троицу производилась продажа антирелигиозной и антицерковной литературы...

21 мая/3 июня. ...В Духов день в Сергиевом Посаде было возмущение, когда хотели запечатывать вновь собор. Бабы ревели. Некоторые придают этому значение, как симптому. Я думаю, что эти мелочи большевикам вреда не принесут.

29 июня/12 июля. Петров день, который, чтоб не сделать будним, я употребил на путешествие к Троице. Там подготовил я дело принятия Лаврской библиотеки, с оставлением при ней иеромонаха Алексея и С.П. Мансурова. Нельзя было подписать акта, потому что Комиссия по распределению Лаврских помещений еще не закончила свои занятия и не передала библиотеки в отдел по делам музеев, который в свою очередь, должен был передать ее нам. Какова бюрократическая волокита. По поводу библиотеки я имел счастье познакомиться сегодня с товарищем М.Т. Смирновым, председателем исполкома Сергиевского совдепа (Боже, что за титул!). Я увидел перед собой довольно приличного и любезного человека, но определенно тип ограниченного и глупого человека из народных учителей, верующего в коммунизм и большевизм и к тому же, по слухам, честного. Несомненно, это один из самых вредных типов, господствующих в наше время. Однако для данного времени договориться с ним нам было легко.

31 июля/13 августа. Ездил в Сергиево, готовил принятие Лаврской библиотеки. Видел прелестную картину – вся площадь перед Лаврой, за исключением гостиницы, а теперь совдепов, выжжена, рухнула также угловая Пятницкая башня и Святые ворота. Пожар начался оттого, что посадские товарищи, раскрыв товары, подлежащие раздаче, подожгли ряды, чтобы скрыть следы. Это было продолжением того пожара, который был на

Страстной неделе 1919 года. В лавре все грустно и скучно, и трава забвения затягивает ее внутри.

13/26 августа. Ездил в Сергиев Посад и принял окончательно Лаврскую библиотеку в ведение Музея. Ходил с визитом к наместнику, но его не застал; он уехал в Москву. В связи с процессом приемки случился маленький эпизод, который, если посмотреть на него с мистической точки зрения, может показаться имеющим значение. Приняв библиотеку, мы, то есть Румянцевский музей и я, его представитель, начали новое дело, а служащие в библиотеке вступили в новую полосу. Я попросил библиотекаря о. Алексия отслужить молебен, который он и отслужил для нас двоих – Мансурова и меня. Молебен был, конечно, преподобному Сергию. Затем я пошел к о. Диомиду, ризничему, с которым должен был просмотреть рукописи, находящиеся в ризнице. О. Диомид оказался в Троицком соборе, который закрыт, и куда пускают только по особым пропускам. Спросив у часового, там ли о. Диомид, и получив утвердительный ответ, я спросил, можем ли мы с Мансуровым пройти. Часовой и разводящие мальчишки, сказали – да; мы вошли в притвор и, постучав в железные двери, запертые изнутри, увидели, что в маленькое окошечко выглянуло совершенно ошеломленное лицо о. Диомида, который спросил нас в изумлении: “Как вас сюда пустили? И меня ведь только по особым пропускам пускают!” Потом, обращаясь к нам, сказал: “Хотите приложиться?” Что мы и сделали. 12/25 августа 1920 года мощи преподобного Сергия были в целости и сохранности. Таким образом, вышло, что преподобный Сергей как бы отозвался на наш молебен и, дав возможность войти в собор, благословил Румянцевский музей блюсти его книжное достояние.

4/17 октября. Съездил к Троице обыденкой; тускло и скучно там; нет более того, что мне было дорого там; нет и самой Лавры. С деловой точки зрения все благополучно.

3/16 ноября. Ездил к Троице. Спасение библиотек есть все-таки род какой-то сознательной работы, и потому что-то там устраивать доставляет какое-то удовольствие. По крайней мере, я чувствовал это вчера.

26 апреля. Поездка в Троицу. По дороге узнал, что Хотьков, как монастырь, также не существует. По-видимому, объявлен поход на церковь с особенной силой. В Троице все тихо. Езда в поезде отвратительна».

Из воспоминаний княгини Н.В. Урусовой

Летом 1918 года в Ярославле произошёл мятеж. Участвовали в нём в основном юноши, гимназисты, поддавшиеся на провокацию некоего полковника Перхурова, уверявшего молодёжь, что восстание поддержат англичане. Расправа была страшной. Княгиня Наталья Владимировна Урусова (1874–1963) в своих воспоминаниях описывает, как большевики обстреливали город из артиллерийских орудий, как рушились церкви и дома, как сгорел знаменитый Ярославский лицей с его всемирно известной библиотекой. Всю молодёжь и вообще мужчин хватали на улицах, разыскивали по подвалам и чердакам, ставили на высоком берегу Волги с завязанными назад руками и сзади расстреливали, так что трупы падали в реку.

Н.В. Урусовой надо было спасать своих детей. «Я избрала – писала она, – Троице-Сергиеву лавру с надеждой, что это будет лучшим местом их спасения». С невероятными трудностями ей удалось привезти всех детей, горничную, которая ни за что не хотела расставаться с нею, слепую старушку и корову.

Петр Дмитриевич Урусов, глава семьи, приехал в Сергиев Посад немного раньше, но квартиры найти не смог. Недели две прожили на балконе брошенной дачи, где было грязно и сыро. Потом на время взял их к себе Анатолий Александров (1861–1930), поэт и журналист, знавший покойного отца Урусовой – Владимира Константиновича Истомина. Семья оказалась в

крайне бедственном положении: не было теплых вещей – все сгорело в Ярославле. Муж Урусовой, не выдержав такой обстановки, уехал в Москву и поселился у брата. Она осталась с детьми. Жить было совершенно нечем. Она поехала обратно в Ярославль, чтобы привезти швейную машинку, которую она отдала временно соседке. Потому машинка и уцелела.

А в отсутствие Урусовой из ЧК пришла повестка одному из ее сыновей. Его очень грубо допрашивали, выясняя, принимали ли члены семьи участие в восстании, и по какому праву приехали в Сергиев Посад, не взяв разрешения ярославских властей. Потом отпустили, приказав, чтобы мать, как приедет, явилась в Исполком.

Урусова вспоминала: «Пришлось идти. Исполнительный комитет занимал здание старой монастырской гостиницы. Ужасно было переступить этот, еще так недавно мирный монастырский приют. В голове моей промелькнуло одно из лучших воспоминаний жизни, когда во времена раннего детства, в возрасте восьми–десяти лет, мать моя, любившая говеть в Лавре, брала мою сестру, годом старше меня, и меня с собой. Вспомнился мне безупречно чистый номер гостиницы, отец гостинник, старый почтенный монах, послушники, приносившие чай, и не в чайнике или кастрюльке, как теперь, а ставили на стол шипящий, блестящий как золото медный самовар. Вспомнилась ночь, когда все казалось святым, и монахи, и самовар, и лампадки, и даже тюлевые занавески на окнах. Вспомнилось то таинственное и важное ожидание исповеди в полуосвещенном соборе у раки Преподобного Сергия после всенощной, ожидание в легком сне первого удара колокола к ранней обедне, стук монаха в дверь, чтобы разбудить нас, а мы уже давно не спали и надевали, с особым сознанием благоговения, новенькие платица. Небо еще звездное, мирная тишина, нарушаемая только мерными ударами лаврского колокола. Все это непередаваемо словами. Детская душа моя вся была поглощена сознанием страха и любви в ожидании Святого Приобщения. Затем вспомнились горячие просфорки, игрушки, купленные под воротами Лавры, крестики, образки, поясочки с молитвами,

да много счастливого и неповторяемого. Все это, как луч света, мгновенно промелькнуло в моей голове; и вот я вхожу.

Мечты о прошедшем на минуту осветили мрак страшной действительности, представшей глазам; ноги мои подкашивались, я сама не узнала своего голоса, когда спросила, куда мне идти. Тот, кто не видел таких картин, может и не поверить.

С первого шага охватило сознание присутствия нечистого духа, да, именно нечистого во всех смыслах. Такой грязи, что была перед глазами, никогда не забуду. Сколько было пережито за 25 лет, если Господь приведет, постараюсь все описать: и условия ужасные жизни, и голод, и холод, и страх, но в то время это было внове и казалось столь невероятным, что думалось, не во сне ли все это, или я лишилась рассудка.

Весь пол заплыван, покрыт грязными бумажками, шелухой от подсолнухов и мало этого, приходилось выбирать места, чтобы не запачкать обуви. В номере, куда меня провели, было то же самое. Встретили меня несколько человек, если их так можно было назвать. Комиссаром Чека был здоровый краснощекий матрос в белой грязной матросской рубашке, с расстегнутым воротом и большим красным бантом на плече. Рукава у всех засучены. И все страшные, словно дикие звери; нет, звери, право, и те лучше. Я больше всего испугалась матроса, но, к удивлению, в нем одном проявилось какое-то чувство, похожее на жалость ко мне. Много, очень много нужно было силы воли, чтобы не выдать своего страха перед ними и казаться спокойной, но ведь судьба моих, не только старших двух сыновей, но и остальных детей зависела от воли и была в руках этих людей.

Меня спросили, почему я уехала из Ярославля, но как спросили! Я ответила, что все потеряла во время пожаров и, не имея средств к дальнейшему существованию, решила, что в небольшом Посаде я легче чем-нибудь заработаю и что буду близко от мужа и родственников, живущих в Москве. На это в ответ несколько голосов закричало с угрозой: “Немедленно убирайтесь со всеми Вашими детьми и кто еще при Вас, обратно в

Ярославль!” Пришлось просить разрешения остаться ввиду безвыходности положения и невозможности оплатить обратный переезд и нанять в сгоревшем городе помещение. По адресу моему была применена самая невозможная брань, требования и угрозы, когда вдруг матрос заявил: ”Бросьте, товарищи, чего ее мучить, может, она и не сделала ничего, пусть ее семья остается пока здесь, – и, обратившись ко мне, сказал: “Если Вы докажете нам бумагой от властей Ярославля, что Ваши сыновья не участвовали в восстании, то, может, я Вам разрешу поселиться здесь, в Посаде”. Господь, как всегда Милосердный, осенил меня мыслью, И я ответила: “В Ярославле никому не известно, где были в это время мои сыновья. Как Вам объяснил сын мой Николай, они были в Саратове, куда ездили за мукой, и ничего о восстании не знали. Прописаны они были в волостном правлении, которому подлежит дача, где мы жили, и дать сведения о них может только волостной старшина”».

Урусова не обманывала: сыновья действительно ездили за мукой, остальные члены семьи жили на чьей-то даче, так как один комиссар еще до восстания потребовал, чтобы Урусовы в трехдневный срок освободили свою квартиру. Только она понятия не имела ни о каком волостном старшине. И вот снова ей пришлось отправиться в Ярославль, добывать необходимые документы. А в это время ее сын Николай решил, во что бы то ни стало, уехать на юг, чтобы вступить в Белую Армию. В Исполкоме ей предложили подписать бумагу, что если один из ее сыновей уйдет к белым, ее тут же расстреляют. Она подписала. А через час проводила сына на поезд. Он отправился в Белую Армию. Вскоре уехал и другой сын – Сергей.

Урусова осталась с пятерыми детьми в возрасте от 17 до 4-х лет. Пришлось изыскивать всякие способы существования. Жили в подвальном этаже, сыром и полутемном. Как ни старалась она прокормить корову, это оказалось невозможным. Пришлось корову продать. А деньги быстро обесценились. Старшая, семнадцатилетняя Ирина была во всем помощницей матери. Но простудилась в морозный день, когда ходила за водой на колодец

в одной вязаной кофте. Пальто не было – все сгорело в Ярославле, и купить было не на что. Ирина заболела воспалением легких и никогда уже не оправилась – при вечном недоедании развился туберкулез.

Наталья Владимировна, чтобы как-то прокормить детей, стала шить теплую обувь вроде ботишков из большого ковра, который ей отдала одна ее московская знакомая. Ботинки Урусова ездила менять на сушеную картошку и коренья. Поезда тогда ходили только товарные и без расписания. Каждая поездка была сопряжена с большим риском. От станции надо было еще идти несколько верст до деревни, где жил бывший садовник Урусовых, старичок, помогавший ей продавать обувь. Однажды в метель, сбившись с дороги, она едва не погибла. Без сил упала на снег и не могла подняться. Вдруг – удар церковного колокола. Оказалось, что рядом церковная сторожка. Сторож, подумавший, что кто-то мог заблудиться в такую непогоду и замерзнуть, стал ударять в колокол. Это было спасеньем.

Пропитание было самое скудное. Дети голодные, раздетые. А тут еще девочки обовшивели, и не было гребешка. Не было и денег, чтобы его купить, да, если бы и были, достать негде. Надо было обстричь детей наголо, а они плакали.

И вот в четверг Страстной недели на Урусову вдруг напало неотступное желание вечером пойти в Черниговский скит на чтение 12 Евангелий. Идти надо было версты четыре, лесом. И она не взяла с собой детей, не поддавалась никаким их просьбам и слезам. Отправила детей в Троицкий собор.

Она вспоминала: «Меня всегда влекло в эту скитскую церковь. Чтобы взойти в нее, нужно было спуститься 12 ступеней вниз, под землю. Церковь маленькая, без дневного света, освещенная массой разноцветных дорогих лампад и громадным количеством восковых, всех размеров свечей. Черниговская чудотворная икона Матери Божьей очень почитаема не только в Московском округе, но и во всей России.

В церкви через крошечные отверстия, в которые нужно согнувшись проходить, шли подземные длинные ходы. Два раза в жизни решалась я посетить такие святыне таинственные пещеры, бывшие местом спасения древних монахов. Обычно впереди шел с фонарем провожатый монах. Холод охватывал тело от сырости, текущей по стенам тоненькими струйками, а душу охватывал непередаваемый ужас и благоговейный почтительный страх, когда монах останавливался перед вырытыми углублениями в этих стенах и объяснял, что тут проводил жизнь и умер непогребенным тот или иной отшельник...

В этот вечер я, войдя в церковь, встала непосредственно близко, перед самой иконой Божьей Матери. Народу было полно. Трогательное чтение 12-ти Евангелий, строгие лица монахов, поющих стройно печальные песнопения, все это сливалось с моими личными переживаниями и горестями. Меня никто, ни один человек, не знал, и о том, что я должна была огорчить в тот день дочерей, объяснив им необходимость обрить волосы, никто не мог знать, кроме Матери Божьей, которой я, в слезах и просьбе о помощи, изложила свою печаль.

Кончилось чтение, народ прикладывался и сразу уходил, так как было 12 часов ночи. Я подошла последней. Служба закончилась, в церкви полутемно, так как погасили почти все свечи и большую часть лампад, оставив только неугасимые. Я приложилась и чувствую, что меня осторожно берет кто-то за плечо. Обернулась, вижу старенький монах, но не скитский, так как на нем был серый стеганный подрясник, подвязанный ремешком, и темно-синяя скуфейка. Он, приветливо улыбаясь, протягивает мне ладонь со словами: "Вам не надо?" На руке у него два частых гребешка! Я, как говорится, остолбенела и спросила, не зная, что говорю: "Откуда у Вас?" А он отвечает: "А я продавал, вот два остались, может, Вам нужно?" Я отвечаю: "Да, но у меня денег нет". А он говорит: "Мне не надо денег". Я взяла один и не успела его хорошенько поблагодарить, как он быстро вышел. Я пошла вслед за ним, но его нигде не было. Я принесла домой пораженным

своим девочкам частый гребешок, и печаль их сменилась необъяснимой радостью».

Так как Петр Дмитриевич Урусов был членом Всероссийского Церковного собора от Ярославской губернии, Наталья Владимировна побывала на Соборе. Безрадостное впечатление оставило у нее это собрание, большинство участников которого, видимо, не предполагали, какие испытания ждут Церковь в самом близком будущем, и обсуждали в основном вопросы повышения материального благосостояния Церкви, решив не касаться политики. Вот одна из картин, увиденных Урусовой: «Мне посчастливилось быть и видеть посвящение Патриарха в Успенском соборе в Кремле. Пропуск был по билетам, и в то время можно было еще через связи достать это право. Большевики еще не вполне овладели властью. С вечера стояли мы (человек триста) у закрытых Боровицких ворот. Ночь была холодная. За стенами Кремля все время жгли красные бенгальские огни и стреляли из винтовок. Картина была мрачная и жуткая, три конных милиционера забавлялись тем, что вплотную давили нас крупами лошадей.

Раздались голоса: “Пропустите Митрополита Владимира, пропустите Митрополита!” Он шел величественно, спокойно, в белом клобуке, опираясь на посох. Милиционеры со смехом толкали его лошадьми. Кто видел когда-нибудь этого смиренного строгого аскета, монаха, который своей святой и мудрой жизнью приобрел почитание всех истинно верующих, тот в те минуты с радостью упал бы перед ним на колени, но и этого сделать было невысказанно. Вскоре он был расстрелян. Ему открыли калитку в больших чугунных воротах, но пройти в нее было нелегко, как и всем нам позднее, когда и для нас открыли вход. Снизу она была загорожена досками, так что приходилось очень высоко поднимать ногу, чтоб перешагнуть. Когда нас впустили, то от самых ворот вплоть до собора нужно было проходить при красном освещении между двумя рядами солдат с направленными на проходящих ружьями. Чего они боялись? Непонятно! Когда я вошла в собор, то увидела стоящую сзади всех Великую Княгиню Елизавету Федоровну. Я

хотела подойти, но она, уловив мое движение, знаком пальца указала мне этого не делать. Я поняла, что она не хотела быть узнанной, так как и одета была не в форме своей общины. Керенский был в соборе, и она мне после сказала: “Я наблюдала за ним, он не мог выносить Божественной службы, его просто корчило”.

При посвящении Патриарх был белее снега, с опавшим и исхудавшим за несколько часов лицом. Мне пришлось видеться с ним не один раз и после посвящения. Он стал спокойнее, как и ранее, отличался в беседах добродушным юмором. Ко мне всегда был крайне приветлив, так как давно знал меня и посещал еще задолго до революции. Принимал сердечное участие в моем трудном материальном положении, выручал денежной помощью, очень деликатно заставляя меня ее взять».

А жизнь в Посаде становилась все труднее и труднее. Летом с детьми Урусова ходила ежедневно в лес за грибами. Набирали много, солили, сушили и зимой меняли на что-нибудь съестное. Но это были крохи. «Нужно было ездить по деревням и менять свои работы. Когда же не осталось материала на теплую обувь, я решила лишиться своего одеяла. Скроила из него двадцать детских чепчиков, сшила и надеялась на что-нибудь обменять, когда неожиданно ГПУ пришло с обыском. Чепчики были сложены по нескольку на столе. “Это что такое? Тайное производство у Вас?” – грозно закричал на меня производивший обыск. Я объяснила, что должна была пожертвовать одеялом ради голодных детей. На короткое распоряжение – “забрать” красноармеец из ГПУ взял и унес мои чепчики. Через день я увидела их на приютских детях в городском саду.

Езда по дорогам была кошмарная. Люди становились зверями в борьбе за место в товарном нетопленном вагоне, куда набивались до ста человек, с мешками, корзинами и сумками. На моих глазах был задавлен насмерть старик. Он первый пытался влезть в вагон, а влезать было очень высоко. На него сзади навалилась толпа, не дав ему влезть и подняться. Он до половины

был лежа на животе в вагоне, а ноги висели наружу. По нему с дикой бранью и криком стали влезать люди.

Я не рискнула в этот раз влезать, хотя бы и сбоку от задавленного, так ужасно это было, но не один раз подвергалась опасности быть задавленной.

Довезешь ли до дому то, что с невероятным трудом удастся достать (большей частью в камешки замороженную картошку) или не довезешь, было делом счастливого случая. Не один раз по дороге налетали отряды, и происходил невообразимый ужас. Из вагонов выбрасывали всё, все мешки, обыскивали людей, сопротивляться никому не приходило в голову, а если кто и решался, то немедленно был бы схвачен, выброшен из вагона и исчезал навеки. Особенно опасен всегда был район г. Александрова, потомки опричников, нынешние коммунисты, отличались исключительной жестокостью.

Я уже не ездила к садовнику Николаю, так как и в деревне, где было производство сушки овощей, все стало отниматься, крестьяне богатых сел Ростовского уезда сами голодали. Если удавалось получить от добрых людей в помощь какой-нибудь материал, я шила ночные туфли на веревочной подошве, а затем сдавала их в комиссионный магазин в Москве, давали за них там бесценок. Перед Рождеством 1920 года я отдала туда три пары. Обычно по вечерам все пять детей сидели, прижавшись ко мне, и я что-нибудь рассказывала, чтобы отвлечь от голода. На этот раз мы все придумывали, как отметим Рождество, если продается моя обувь. По их просьбе решено было, что куплю им по 1 фунту ржаного хлеба на каждого. При одной мысли об этой возможности у всех у них глазки блестели. Я поехала 23-го в Москву. Пришлось стоять или, вернее, висеть на ступеньках вагона, сдавленной почти до невозможности дыхания, причем вагон (пассажирский) был близко от паровоза, и пассажиров обсыпало градом искр, так что приходилось гасить их друг на друге, рискуя каждую минуту загореться.

Сильно билось сердце, когда я отворила дверь в магазин. Когда мне объявили, что ни одна пара не продана, мне сделалось дурно. Нужда была так безысходна, что пришлось согласиться отпустить 14-летнюю Таню и 10-летнего Петю попробовать продавать оладьи в Москве. Не помню уж, как добыла, или кто-нибудь подарил немного муки, только я испекла оладьи. Горько было мне, ведь это была роскошь невозможная для моих детей в то время, каждый из них с радостью съел бы все их, а мне пришлось только подразнить их, дав по одной.

Брались они весело и бесстрашно за эту поездку, и полны были надеждой зарабатывать на еду. Страшная езда по железной дороге, о которой я писала, и мысль о том, что мои дети стоят где-то на улице, предлагают оладьи, меня совсем убивала, и я решила этим больше не пытаться их прокормить. Вернулись они поздно вечером, я терзалась мукой осуждения себя, представляя всякие ужасы. При обуявшей городское простонародье разнузданности нравов, хорошенькая девочка могла подвергнуться всякому нахальству. Вернулись голодные, измученные. Продавали на бульваре. Казалось бы, сердце должно было сжаться при виде этих двух детей, но толпа проходила равнодушно, или даже насмехаясь. Беспризорные же малолетние преступники, которые сразу же стали хозяевами положения на улицах и базарах, старались просто вырвать корзинку, или стащить оладью; милиция грубо грозила забрать их (детей), если они не уйдут. Продали в полный убыток, дождались поезда и вернулись домой. Поели овсяного киселя и стали со смехом рассказывать обо всех событиях этого скорбного дня».

Была Урусова и свидетельницей вскрытия мощей преподобного Сергия: «Назначено было вскрытие мощей Преподобного. С утра на площади перед оградой Лавры, где покоились мощи, стал в массе собираться народ. Так как церковью в Посаде очень было много, то каждый приход был один со своим духовенством. Ворота были заперты, из всех бойниц в стене выглядывали пулеметы. День был холодный, но мысли уйти не было ни у

меня, ни у детей, даже у маленького пятилетнего Андрюши, совсем сознательно относившегося к происходившему. Трогательно было! Поочередно весь день все духовенство служило молебны, а в промежутках общим хором пели: “Да воскреснет Бог”.

Молитвы, просьбы, надежды с простираaniem рук, рыдания и истерические вопли не могли сдержать своего отчаяния от мысли расстаться с мощами такого чтимого и любимого Чудотворца, и сознание того, что за стеной темные силы дерзко касаются святыни, – все это производило неизгладимое, потрясающее впечатление. Простояли 8 часов. Под вечер открылись ворота, и из них вышел ничтожный еврей. Он встал на приготовленную бочку. Все затихли. “Идите – смотрите, чему вы поклонялись – тряпкам и костям” С этими словами он ушел, а весь народ бросился через ворота в Троицкий собор. Мои дети стремились тоже, но я не разрешила, несмотря на их просьбы, доказывая им, что мощи 500 лет были под спудом и не открывались для людских глаз, и кто же разрешает? Власть сатаны! С этим доводом они согласились. На другой день ранним утром я пошла в Черниговский скит, чтоб спросить у иеромонаха отца Порфирия, почтенного и считавшегося прозорливым и святой жизни старцем. Смотрю, а он быстро идет мне навстречу. Я спросила его о том, можно ли было идти и видеть мощи, а он говорит: “Идем, идем, поклонимся Преподобному, пока можно. Я сам иду к Нему”. Я зашла за детьми, и мы пошли.

Вспоминать страшно, ведь это были еще первые проявления бесовских кощунств и хулений в Божьих храмах. Смех, приплясыванье, песни, наполнявших храм комсомольцев и молодежи из союза безбожников и тут же заглушенные рыдания верующих, прикладывающихся к раке. Все было разорено, но как было прежде, так, несмотря на все творимые безобразия, у мощей стоял старый монах и читал вслух. В открытом, почернелом гробу лежал череп с сохранившимися рыжеватыми волосами и целыми зубами обеих челюстей. Кости разбросаны, как попало, в гробу. Для тех, кто ожидал увидеть нетленное тело, это был разочарованием, но для того, кто понимает и

знает, что такое мощи, это не играло роли, и каждая отдельная косточка была живой Святыней. Присутствующие при вскрытии монахи утверждали, что когда вскрыли крышку гроба, то Преподобный в первый момент был весь сохранившийся целиком, но от прикосновения воздуха сразу рассыпался. Но удивительно – остатки мантии еще сохранились и лежали около мощей, а ведь прошло 500 лет.

На другой день граф Олсуфьев и другие выхлопотали у властей разрешение пригласить врача-анатома, который сложил в природном порядке скелет, и покрыли стеклянной крышкой, так как некоторые брали кусочки к себе домой как великую святыню».

Урусова, видя, что жизнь в Сергиевом Посаде становится все трудней, решила разыскать мужа, который уехал из Москвы. Оказалось, что он получил место на железной дороге в Донской области. Она несколько раз ездила в Москву советоваться со старцем отцом Алексеем Мечёвым. Он посоветовал дождаться от мужа ответа о том, что подыскал квартиру. Но дети были совсем истощены, работы не было. Наконец, старец, видя положение семьи, благословил отъезд. Они поехали на юг. Представлялось впереди что-то светлое и спокойное. Но не такие были времена, чтобы надежды могли оправдаться. Впереди была долгая жизнь. Ее ждали болезни, когда врачи не давали ни одного шанса на выздоровление, новые мытарства, скитания, встречи с праведниками, святыми мучениками и просто добрыми людьми, и встречи с негодьями и палачами. Героические усилия прилагала она, чтобы спасти детей. Но в 1930-м умерла старшая дочь Ирина из-за не сделанной своевременно операции, оставив шестилетнюю дочку. И тогда же пришло известие о гибели в результате несчастного случая во Франции сына Николая. Младший сын Андрей испытал массу несправедливостей, мучений, арестов. Не раз был арестован и его брат Петр. Оба они в 1937 году получили приговоры: 10 лет без права переписки. Бедная мать не знала, что это означало. В 1938 Петр Петрович Урусов был расстрелян вместе с женой Ольгой Владимировной, урожденной княжной Голицыной. Дочь Н.В.

Урусовой Татьяна вышла замуж за Константина Александровича Ершова, инженера, работавшего на Центральном телеграфе. В 1938 году его арестовали и расстреляли на Бутовском полигоне. Татьяна Петровна осталась с двумя детьми без средств к существованию. На работу жену «врага народа» не брали. С большим трудом удалось ей через некоторое время устроиться в какую-то контору. «В 1941 году, когда немцы были под Москвой, мама, отправив нас в эвакуацию, добровольно ушла в народное ополчение санитаркой. В жестоком бою под Великими Луками вынесла с поля битвы 17 раненых, а потом сама получила тяжелое ранение и скончалась в госпитале», – так написала ее дочь Татьяна Константиновна Павлова в приложении к воспоминаниям своей бабушки Н.В.Урусовой.

А сама Наталья Владимировна во время войны оказалась в Можайске. «Когда немцы заняли Бородино, – писала она, – то было приказано уходить в тыл. Я стояла в раздумье на крыльце дома. По городу масса арестов, и всех, кого подозревали в сочувствии немцам, тут же, отведя немного на окраину города, расстреливали. Красная армия отступала в панике. Пробегая мимо меня, остановился на мгновение незнакомый мне человек и быстро сказал: “Гражданка Урусова, если имеете возможность, то немедленно скройтесь. Вы в списке приговоренных, и Вас сейчас арестуют”. Стоявшая рядом со мной соседка сказала мне: “Знаете ли кто это? Это ГПУ, я его лично знаю”...

При отступлении немцы увозили беженцев, я была среди них, я оставляла за собой все дорогое на земле».

Урусова не знала о судьбе арестованных сыновей и двух арестованных зятьев, не знала о судьбе младших дочерей и судьбе внуков. Но и они не знали, что она жива. Внучка ее Нина получила письмо от бабушкиной соседки по Можайску, что Н.В. Урусова погибла под бомбежкой. И в анкетах внуки писали, что родственников за границей не имеют. Только через 50 лет узнали, что их бабушка живет в Америке, в старческом доме при храме преподобного Серафима Саровского в поселке Си Клиф – предместье Нью-Йорка. В 1953 году она закончила работу над своими воспоминаниями, дав

им название: «Материнский плач Святой Руси». Всю жизнь она писала стихи.

*Их было семь! Я всех любила;
Всех своей грудью я вскормила;
Для них жила, за них молилась,
И вот со всеми распростилась.
Старушкой божьей одинокой,
В печали, горести глубокой
Я доживаю жизни путь,
Чтобы у Бога отдохнуть!
И кто-то мне глаза закроет?
Кто перед смертью успокоит?
Кто крест поставит надо мной?
Не дети над своей родной.
И травку на моей могиле
Никто слезой не оросит;
И только утренней порою
Роса, как слезки, заблестит!*

Кончаю дни

*Кончаю дни земных скитаний,
И в неизвестность отхожу.
Слова какие при прощанье
Последним вздохом я скажу?
Все радости воспоминаний,
И горести минувших лет,
В миг молнией перед очами
Блеснут... и мира канет свет!
Но не одно: два слова Богу
Должна суметь произнести:
«Благодарю», всей силой духа,
И с упованием: «Прости!»*

Урусова тихо отошла в вечность на 90-м году жизни в октябре 1963 года. Ее воспоминания — воспоминания настоящей аристократки, не чуравшейся никакой работы, делавшей все, чтобы спасти детей в совершенно исключительных по тяжести условиях, выпавших на ее долю.